

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛКОВ «НОВОГО СТРОЯ» В ТАМБОВСКОМ И КОЗЛОВСКОМ УЕЗДАХ В XVII В.¹

Ю.А. Мизис,

доктор исторических наук, профессор,
г. Тамбов

В статье рассматривается вопрос формирования солдатских и рейтарских полков в середине XVII в. на южных границах российского государства на примере Тамбовского и Козловского уездов. Этот процесс прослеживается как часть формирования Белгородского полка. Отмечается использование иностранных и российских офицеров для подготовки рядовых, которых набирали из ближайших родственников старых служилых людей: детей боярских, казаков, стрельцов. Подчеркивается попытка многих служилых людей Белгородского полка уйти со службы из-за тягот постоянных походов и вернуться в состав городских служилых людей.

Ключевые слова и фразы: *Белгородская черта, крепость, вал, ров, служилый человек, солдат, рейтар.*

Первые полки нового строя появились в Российском государстве накануне войны с Польшей за Смоленск. Правительство молодого царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета пригласило в Россию иностранных военных для обучения полкам по европейскому обычаю². Рейтар начали формировать в России по образцу западноевропейских конных полков³. Первый полк стали собирать в 1632 г. при подготовке к Смоленской войне. Традиционно в него включали драгунские роты. В 1651 г. царем Алексеем Михайловичем был учрежден Рейтарский приказ, к которому приписали новоизбранных рейтар. Их численность с 50-х годов XVII в. в русской армии значительно выросла. Происходило формирование Белгородского полка с 1656 г., в состав которого вошли жители городов и уездов по Белгородской черте. Приписка козловских рейтар, драгун и солдат к Белгородскому полку требовала периодического прибытия туда и постоянного участия в различных походах.

Рейтарские полки. В Козловском уезде в состав рейтар вписали большую часть детей боярских. Так в 1658 г. козловский воевода В.Н. Лихарев должен был обеспечить посылку в Белгород козловских рейтар, драгун и солдат. Для этого он приказал кричать бирючем в торговые дни государеву грамоту и послал посыльных в уезд. Приехавшие из Борецкого стана посыльные 18 апреля пожаловались, что служилые люди отказались идти в дальний поход на государеву службу, посыльных били и бранили «матерно»⁴. Наделение землей рейтар шло по поместному праву в личную собственность, что должно было привлечь в нее молодых людей. В

Козловском уезде на эту службу записались в основном родственники детей боярских. Группа козловских рейтар и ямщиков из 24 человек пожаловалась в 1671 г. на состояние их земельных дач⁵. Они получили в прежние годы при записи в рейтары из примерной земли наделы около Сторожевой слободы казаков и детей боярских. Однако, если казакам и детям боярским выдали земли по 50 четвертей, то рейтарам – по 20 или 30 четвертей. Межевали им землю при воеводе А.У. Хрущове на р. Громушке в городском лесу. А на реке Громушки предложили поставить деревню. Недовольство рейтар вызывала служба соседей и их детей в городской службе, в то время как им приходилось нести свои обязанности в полках на дальних расстояниях.

Новый воевода Е.А. Пашков из той примерной земли не отвел рейтарам наделы «дружа и нароя» детям боярским и казакам Сторожевой слободы. Ново записные служилые люди не ходили в состав козловского гарнизона, что сказывалось и на отношениях к ним. Рейтары жаловались на нехватку пашенной земли и просили выделить дополнительные участки из примерной земли. Рейтарам И. Ананьеву с товарищами 24 человекам предложили выдать примерной земли 30 четвертей тем, у кого поместный оклад 120 четвертей, а у кого поместный оклад 100 четвертей – 20 четвертей. В 1673 г. воевода А.У. Хрущов отписался в Разрядный приказ, что он со многими людьми ездил и пашни, и сенные покосы по писцовым книгам, кроме примерной земли, отмерил и в книги записал. В книгах за сторожевыми казаками и детьми боярскими числилось всего земли в обоих полях вместе с церковной землей

пашни 2954 четверти в поле, а сена 6140 копен. Таким образом, местные власти пытались разгрузить этот конфликт спорных интересов.

Иноземцы офицеры, принятые на службу в русскую армию, часто страдали от нехватки и задержки обещанного жалования от дьяков Иноземского приказа⁶. Московские чиновники испрашивали традиционные подношения за оказанные услуги. Усвоив хороший урок, многие иностранные и российские офицеры, отправляясь на далекую границу, сами прибегали к требованиям взяток и использованию служилых людей в личных целях, что приводило к конфликтам в «полках нового строя». Полковник иноземец Ф. Вульф был послан в Козлов в 1669 г. с целью подготовки похода с козловскими рейтарами в Белгород и Сумы⁷. Он должен был провести смотр рейтар, отобрав тех, кто мог нести службу. Старых и увеченных воинов предлагалось оставить в Козлове, а вместо них до государева указа запрещалось дополнительно набирать людей. Ф. Вульф доложил, что 29 августа 1669 г. он из Козлова пошел в поход с 709 рейтарами. В Тамбове он оставил старых и увеченных 348 рейтар. По его специальному списку записать в рейтары можно было еще 790 человек из числа родственников служилых людей. Он отметил, что когда шел смотр служилых людей, то многие рейтары предложили вписать в них своих малолетних детей, выдавая их за взрослых мужиков.

В ответ на письмо Ф. Вульфа в Москву поступила жалоба на его действия в Козлове. Полковника обвиняли во взятках с нетчиков, что он требовал по 2–3 лисицы с человека, а с бедных – по одной, а с совсем бедных по одной лисицы с трех человек. А при разборе рейтар некоторых от рейтарской службы отставил, взяв с них денег от 4–7 руб., у других со двора забрал «животину» или лошадь. Особо отличился в этих делах поручик Г. Жуков, которого обвинили во многих «посулах». Причем этого поручика за «воровство» сослали в Козлов на службу. Он в 1664 г. будучи послан в Старый Оскол чинил там у служилых людей «многие разорения».

Эту жалобу подали, якобы, от всего города с просьбой наказать за взятки Г. Жукова, а полковника Ф. Фульфа отправить из Козлова в Москву на суд. Жалобы служилых людей подтвердил козловский таможенный и кабацкий откупщик Д.С. Попов. Он из перечисленных выше обвинений добавил взятки медом и всякими съестными припасами в виде вина и масла, а так же

ремонт его двора. Так с К. Кузмина полковник взял 7 лисиц и 3 пуда меду, а с самых «ненужных» рейтар брал по одной лисицы с трех человек. С одного из рейтар взял лошадь по цене 30 руб., и отослал ее в Москву, а его назначил начальным человеком. Полковника обвиняли в угрозе наказания батогами и запугивании служилых людей, которые хотели писать жалобы в Москву. Эти же обвинения подтвердил, приехавший 20 августа 1669 г. в Москву козловский сын боярский С. Фролов.

В 1669 г. козловского рейтара, поручика Герасима Жукова обвинили в том, что он вместе с полковником рейтарского строя Ф. Вульфом брал посулы с рядовых рейтар⁸. По приезду в Москву его арестовали и приковали к стулу. При допросе Г. Жуков отрицал взятки, но отмечал, что у полковника Ф. Фульфа он писал полковые письма. При обращении к нему рейтар с просьбой о написании письма, они давали за письмо в почесть по шесть и больше денег, которые он брал из-за своей скудости. О полковнике Ф. Вульфе он сказал, что с некоторых козловских рейтар тот действительно брал рожь, овес, сено, деньги и лисиц. Причем он брал в «почесть», а не в «посулы», то есть, якобы, добровольно.

В июле 1669 г. Ф. Вульф написал челобитную в Разрядный приказ, будто козловский воевода А.Ф. Щепотьев не давал в его полк ружейного зелья и свинец в период угрозы татар⁹. Поступила информация от тамбовского воеводы Я.Т. Хитрово о возможном многочисленном приходе татар. В ответ козловский воевода пожаловался, что иноземец в «сплошное время» к нему в съезжую избу не приходил, никакого совета по возможному отражению татарской угрозы не давал, а в поход идти не готов. Ф. Вульф затребовал от козловского воеводы порох и свинец. В ответ тот писал, что в 1668 г. по указу князя Ю.Н. Борятинского он передал в полк Ф. Вульфа 20 пуд. зелья и 5 пуд. свинца. А тот обратно в Козлов эту государеву казну не вернул. Поэтому воевода предложил выдать рейтарам боеприпасы только на случай прихода татар, так как в самом Козлове их осталось немного. Специальный государев указ потребовал от Ф. Вульфа пойти с козловским воеводой на совет и вместе поговорить об отражении неприятеля. То есть между пришлыми иноземцами и местным воеводой не наблюдалось согласия и каждый из них считал себя более самостоятельным в принятии решений.

Козловский воевода И.А. Вельяминов отписал 4 февраля 1666 г. о посылке в Белгород 46 человек беглых козловских рейтар. Он их

отправил в сопровождении провожатых поместных атаманов, а затем получил из Белгорода от боярина, воеводы Б.А. Репнина информацию о бегстве козловцев. К нему в Белгород приехал М. Бахолдин с товарищами и рассказали о непослушании козловских рейтар, которые от Доброго Городища поворотились назад в Козлов. Воевода жаловался, что без жесткого наказания беглецов и нетчиков он не сможет выполнить государево распоряжение о посылке их в Белгород. Он просил прислать специальный государев указ, разрешающий жесткое наказание беглецов. То есть в самом начале службы в Белгородском полку козловские рейтары стремились всякими путями, вплоть до открытого бегства, избежать этой службы.

Большинство родственников служилых людей Белгородского полка, как отметил козловский воевода, служили по козловским укреплениям, без крестьян и бобылей. Поэтому в поле работать было некому, тем более, что их жен и детей взяли в Козлов приставы, а дома опустели. Сами служилые люди бегали по полям и лесам, другие убегали по дороге и скрывались в разных городах и уездах, или уходили на Дон и Хопер к казакам. Эта часть населения оказалась бедна и сама себя прокормить не могла. С учетом расстояния между Козловом и Белгородом в 500 верст, обнищанием служилых людей, служба в Белгородском полку стала «не в мочь», чем и объяснялось массовое уклонение от нее.

В 1667 г. указом от 1 сентября царь пожаловал «от нашей всемирной радости» по поводу рождения сына Алексея Алексеевича наделить козловских рейтар дополнительным поместным окладом в 50 четвертей и 5 руб. денежного жалования¹⁰. Часть из этих рейтар получили ранения в ходе войны с поляками или были в плену и имели право на компенсацию.

За участие в Чигиринских походах многие козловские рейтары просили поверстать их поместным окладом и денежным жалованием. Так Г.О. Кончаков служил рейтарскую службу и участвовал во многих боях. Ему пожаловали поместный оклад в 100 четвертей и 4 руб. денежного жалования. Так по такой же челобитной рейтар Ф.Я. Сафонов получил оклад в 100 четвертей и 4 руб. жалования, как и многие его товарищи.

Таким образом, рейтарская служба в обоих тамбовских уездах носила напряженный характер и требовала в 60–70-е годы XVII в. постоянных отлучек в Белгород и участие в военных компаниях, что приводило большинство служилых

людей к разорению или серьезным экономическим проблемам. Поэтому и наблюдались попытки перехода в городскую или полковую службу.

Солдаты. Формирование первых солдатских полков, как и драгунских, пришлось на 1630 г. в связи с началом войны за Смоленск. Они показали хорошую выучку и военную подготовку, и правительство Алексея Михайловича во время Русско-польской войны 1654–1667 гг. вновь вернулось к практике набора в солдаты. Для привлечения в новую службу добровольцев им предоставили ряд льгот: наделение, как помещиков, землею в личную собственность и денежное «городовое» жалованье. Формирование первых полков солдатского строя пор Белгородской черте началось в 1653 г.¹¹.

Родственников козловских детей боярских и казаков в 1654 г. при формировании Белгородского солдатского полка записали в солдаты. Однако они не получили земельного надела и фактически служили с земли своих отцов. Их посылали в Белгород на службу вместе с рейтарами. Постоянная походная служба тяготила козловских солдат и они стремились вернуться в службу своих отцов по уезду. Например, в 1657 г. солдаты подали ряд челобитных, ссылаясь на смерть своих родителей с просьбой поверстать их отцовскими земельными наделами и службой в детях боярских¹². Они служили в полку боярина В.Б. Шереметева, а затем в полку боярина В.В. Бутурлина, участвуя во многих походах и сражениях. Смерть или старость их отцов позволила им вернуть родительские наделы, но сохранив за ними статус солдат. Все челобитные написаны как под копирку, то есть это было коллективное решения десятков козловских солдат разных сел уезда, однако правительство не позволило им выйти из Белгородского полка.

Принципы формирования солдатских полков можно рассмотреть на примере Тамбовского полка. Указ о его создании воеводы получили 24 марта 1659 г.¹³ Его штатный состав определялся в 1600 человек. Набирать в солдаты рекомендовалось «с тамбовцев служилых и жилецких со всяких чинов людей и с крестьян детей и братьев их, и племянников, и зятьев их, и внучат, и захребетников» некоторых сел Верхотенской волости и Шацкого уезда¹⁴. От воевод требовалось избежать утайки родственников. Для учения солдатскому строю в Тамбов посылались два майора И. Хомяков и П. Чириков, а так же капитаны, поручики и прапорщики. Их направлял Разрядный приказ.

Солдаты полностью вооружались за казенный счет, использовались кремневые мушкеты или карабины¹⁵. В 1659 г. Разрядный приказ прислал в Тамбов 1443 мушкета, 1600 ядунок, ружейные фитили, пики железные, бандельеры, знамена и барабаны¹⁶. Они составляли полковое имущество солдатских полков России на юге России¹⁷. В 1668 г. из Разрядного приказа для тамбовских солдат поступило 1118 руб. 13 алтын и 8 денег на пошив 592 кафтанов. Воеводы отчитались 15 сентября 1659 г. о полном сборе солдат и начале их военной подготовки.

В Тамбове из начальных людей у солдат находился полуполковник Е. Тяпкин. Ему полагалось государева кормового жалования 12 руб. 25 алт. в месяц или 153 руб. в год. Капитаны получали по 11 руб., конского корму с 1 ноября по 1 мая трем человекам на 6 лошадей по 20 алт. на одну лошадь в месяц. Прапорщикам выдавали по 3 руб. в месяц. Из общего расчета выходило, что на всех начальных людей в Тамбовском полку в год выходило 585 руб. и на конский корм – 21 руб. 20 алт.¹⁸

Первоначально правительство рассчитывало ограничить социальную базу комплектования Тамбовского солдатского полка служилыми людьми уезда по разрядке: от трех мужчин – одного, от четырех – двух, а свыше пяти – «по рассмотру». Семьи с одним или двумя мальчиками избавлялись от солдатской службы, чтобы не сокращать работников на пашне и сохранить размеры податей в казну. Уже 4 июля 1659 г. тамбовские воеводы В.Н. Лихарев и И.А. Полев докладывали о записи в полк 1265 человек, что показало высокую заинтересованность многих молодых людей Тамбовского уезда в солдатской службе. В дальнейшем их ряды пополнились выходцами из дворцовых крестьян. С этой целью в 1661 г. создавались специальные списки. Причем в солдаты попали крестьяне Тамбовской, Верхоценской волости и Шацкого у. из сел Темниково, Чернитово, Сюпы и Шаморги. О наличии среди тамбовских солдат беглых крепостных крестьян рассказывают материалы сыска беглых. В октябре 1664 г. тамбовский воевода И.А. Акинфов писал в Разрядный приказ, что в Тамбов «по татарским вестям» не прибыли 2 сержанта и 116 солдат, которые боялись сыщика Ф. Плещеева¹⁹. Беглые крестьяне могли записаться в служилое сословие путем женитьбы или устройства в качестве захребетника или подсоседника служилого человека.

В смотренном списке тамбовских солдат 1662 г. указаны места их проживания²⁰. Они оби-

тали у своих родственников: отцов и братьев, в меньшей степени у тестев или шуринов в Беломестной, Пушкарской и Пяшкильской слободах г. Тамбова, селах Куксово, Бойкино, Татаново, Черленное, Погановка, Горелое, Сосновка, Пиркино, Семикино, Серкино, Лысых Горах и других поселений. Всего насчитывалось 39 слобод, сел и деревень, где числилось 458 солдат. Набирали из лиц, поспевших в службу после 15 лет. Как видно из документов, основная запись в солдаты проходила из служилых сел во время казачьего смотра. Определенная часть солдат записались из сел и деревень дворцовых крестьян. Из ряда сел в службу записались буквально несколько человек. Так из с. Темяшево и Бойкино по 4, из Пушкарской слободы – 2 человека. Из некоторых служилых сел и Верхоценской волости число призывников оказывалось гораздо большим: из Красного городка на Лысых Горах – 19, Вановье – 18, Сосновки и Давыдово по 20 человек в каждом, Мутасьева – 22, Пеньки – 25, Питерского десятка – 41, Сокольников – 40, Черкино – 35 человек.

В некоторых случаях лица, записавшиеся в солдаты и драгуны, пытались найти себе замену в лице своих родственников или «наймитов». В сентябре 1659 г. сыщик И.Я. Ильин проводил сыск беглых служилых людей, не пошедших на службу в Белгородский полк. В ряде сел Козловского у. таковых не оказалось, а в с. Вешнево обнаружил несколько человек, вместо них в Брянске несли службу другие люди²¹. В Козлове полковой казак И. Замораев на съезде двора признался, что его отец, записанный в солдатскую службу, умер три года тому назад. И он нес казачью службу в Козлове 9 лет.

Командный состав солдатского полка формировался из иностранцев, дворян московских чинов и частично из местных детей боярских. В 1664 г. в документах о Тамбовском полку упоминаются 3 майора, 4 капитана и 5 поручиков. За время службы на границе они получали денежное жалованье в размере 12 руб. 25 алтын в месяц – полуполковник, 11 руб. – капитан, 3 руб. – прапорщик и выдавали дополнительно деньги на корм лошадям. Среди начальных людей царили казнокрадство, грубые нарушения служебных обязанностей, вымогательство. Так, в 1660 г. тамбовские солдаты жаловались на майоров П.Т. Чирикова и И.С. Хомякова из-за постоянных поборов деньгами и продуктами, просили Разрядный приказ их сменить. В условиях многочисленных злоупотреблений властью

местной администрацией всех уровней подобные жалобы, как правило, оставались без ответа.

В 1666 г. был проведен сыск в Тамбове о злоупотреблениях солдатского строя полуполковника Е. Тяпкина. В результате сыска подробно описали занятия, которые выполняли солдаты и начальный состав во время службы²². В 1654 г. они находились в походе в литовских городах, после чего вернулись в Тамбов на свою прежнюю службу. Их использовали по прямому назначению как служилых людей, а так же для контроля за деятельностью государственных структур, поиска беглых, ремонте укреплений. Офицерский состав солдатского полка служил в Тамбове определенное время, а затем возвращался в Москву.

Сыск по поводу злоупотреблений начальных людей тамбовского солдатского полка проводил воевода И.П. Акинфов. Опрос солдат роты полуполковника Е. Тяпкина из 124 человек показал, что командир учил их солдатскому делу, взяток и налоги с них насильно не брал²³. Они косили сено 100 копен и заготавливали дрова на лошадях полуполковника. Пасли три недели корову и три овцы, вспахали один загон пашни и вывозили навоз от лошадей командира в «честь» из-за отсутствия у него денщиков. За это он «бивал им челом», поил вином и кормил. Сам полуполковник Е. Тяпкин подтвердил речи его подчиненных, отметив, что у него отсутствовали денщики. Все солдаты делали «в честь», а продукты возили, и дрова заготавливали, и пахали на его лошадях.

У капитана А. Ряшенцева в роте насчитывалось 35 человек, которых он научил солдатскому строю. Он также заставлял своих подчиненных косить сено, пахать пашню, сеять и жать хлеб, заготавливать в лесу 200 штук теса для тына и тем тесом огораживал двор. На дворе солдаты переставили ему клеть и баню, установили коровник, сделали погреб, надрали 300 дранниц и 30 лубков для дома, заготавливали дрова. Они так же стерегли его 5 лошадей, 2 коровы, телку, чистили двор и конюшню, сажали и поливали на огороде овощи. Исходя из этих примеров, видно, что командный состав Тамбовского полка в значительной мере использовал солдат для своего личного обогащения.

Солдаты сопровождали в сентябре 1664 г. муку до Воронежа, а другие – выборных целовальников с государевыми денежными оброками и столовыми запасами в Москву. В 1665 г. солдат послали в Тамбовский уезд для погрузки вина на суда и отправки их в Москву. В этом же году солдат направили на Тамбовский вал в

район Погорелова прясла для ослона новыми бревнами. Таким образом, солдат использовали не только по прямому военному назначению, но и как рабочую силу и вспомогательный состав для решения различных организационных и хозяйственных вопросов.

Тамбовских солдат приписали к Белгородскому полку и по «вестям» их отправляли к месту несения основной службы. Часто в документах упоминались случаи бегства солдат из Тамбова и Белгорода, что отражало общую тенденцию нежелания местного населения участвовать в длительных дальних походах русской армии. В Тамбовском уезде такие традиции не сложились, местные служилые люди оставались привязанными к своей земле и не горели желанием находиться в длительных отлучках. Например, 17 октября 1659 г. начальные люди тамбовского солдатского полка майоры И. Хомяков, П. Чириков с товарищами сообщили о бегстве солдат с государевой службы в свои вотчины²⁴. В ответ новоприписные солдаты из Верхоценской волости подали встречную жалобу на своих командиров майоров и капитанов И.С. Хомякова, П.Т. Чурилова и их товарищей в отсутствии продовольственных запасов, которыми их не снабдили. Чтобы не помереть в Тамбове голодной смертью, они якобы уехали к своим родителям и родственникам в волость. Жаловались на побои командиров вином, медом, хлебом, деньгами и «всякими запасами». Отказывающихся выдавать посулы командирам наказывали батогами и ослопьем, сняв рубаху, заставляли выполнять различные работы на майоров и капитанов. Солдаты просили заменить им командиров на других. В ответ на эту жалобу и местническое дело в Тамбов послали воеводу И.Д. Пожарского, который разбирал конфликт солдат со своими командирами. Результатом этого расследования стала смена воевод в Тамбове.

В 1662 г. тамбовскому воеводе А.И. Головину пришла грамота из Разрядного приказа о поисках беглых тамбовских солдат из Белгородского полка²⁵. Воеводе поручалось сыскать в Тамбовском уезде беглых солдат и за «поруками» отправить обратно на службу. Воевода доложил, что обнаружил в городе и уезде 340 беглецов и выслал обратно 325 человек в Белгород на службу в сопровождении детей боярских.

В 1664 г. во время массового сыска беглых в Тамбовском уезде стольником и воеводой А.П. Еропкиным были обнаружены 29 беглых козловских драгун и солдат Белгородского полка²⁶.

Они бежали со службы, скорее всего, опасаясь возвращения к своим прежним владельцам, так как были выходцами из владельческих крестьян. Их вновь выслали на службу в Белгородский полк к воеводе Г.Г. Ромодановскому. В списках лиц отосланных в Белгород присутствует дата записи в солдаты. Это был 1652 г. Бегство из полка состоялось в промежутке от 1658 по 1661 г. Бежали из Белгорода, Яблонова, Белой Церкви, Каменца, с р. Десны и со своих поселений. Беглецы скрывались в городских слободах Тамбова: Стрелецкой, Полковой, а так же в Татаново, Лысых Горах, с. Черленом, Руской, Серкине и других. Интересно, что солдаты предпочитали бежать в поселения служилых людей, а драгуны – к дворцовым крестьянам.

Полковая служба с 60-х годов XVII в. стала тяготить местных служилых людей, и они выискивали любую возможность уклониться от нее и вернуться к привычной службе по городу и полевым укреплениям. Это позволяло им надолго не отрываться от своего хозяйства. В этом году поступило много жалоб от козловских рейтар и солдат на их тяжелое экономическое положение.

В 1666 г. боярин и воевода Б.А. Репнин из Белгорода пожаловался на козловских нетчи-

ков²⁷. Не явились на службу 490 человек. В Козлове прибыли ротмистр Роман Каширянинов вместе с поручиками и прапорщиками для поиска «нетчиков» и воевода Иван Вельяминов должен был помочь им в поисках служилых людей, чтобы выслать их в Белгород. Однако в Козлове и уезде удалось отыскать таких только 55 человек. Кроме того, воевода отыскал еще 159 человек, которые в разные годы уклонялись от службы в Белгородском полку в рейтарской, другунской и солдатской службах. Всех этих людей воевода отправил с ротмистром Р. Каширяниным в Белгород. Остальные ратные люди ушли на государеву службу в Белгородский полк, часть из них оказалась убита или ранена.

В целом можно отметить, что формирование полков «нового строя» в двух уездах прошло достаточно быстро, встретило понимание среди молодых людей не записанных в службу. Однако постоянное участие Белгородского полка в тяжелых походах русско-польской войны, смерть и тяжелые ранения быстро изменили отношение козловцев и тамбовцев к солдатской и рейтарской службам, что приводило к их бегству и нежеланию идти на службу.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-18-00024) на базе ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина».

² Чернов А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. (с образования централизованного государства до военных реформ при Петре I). Краткий очерк. М., 1954. С. 219–223.

³ Малов А.В. Основные проблемы строительства вооруженных сил России. 1613–1689 гг. М. 2023.

⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 14. Д. 153. Л. 31–35.

⁵ Там же. Оп. 13. Д. 445. Л. 308–325.

⁶ Орленко С.П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века правовой статус и реальное положение. М. 2004. С. 181–191.

⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 14. Д. 230. Л. 17–19; Оп. 13. Д. 393. Л. 15–17, 20–26.

⁸ Там же. Оп. 9. Д. 413. Л. 374–375.

⁹ Там же. Оп. 13. Д. 393. Л. 221–228.

¹⁰ Там же. Л. 62–65, 94–95, 102–112.

¹¹ Бабулин И.Б. Полки солдатского строя Белгородского Разряда в начальные периоды своей истории 1653–1671 гг. // Белгородская черта. № 7. 2022. С. 3–10.

¹² РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 354. Значительная часть дела посвящена челобитным козловцам солдатам Белгородского полка.

¹³ Там же. Д. 311. Л. 260, 318–319, 327–331.

¹⁴ Там же. Д. 951. Л. 117.

¹⁵ Курбатов О.А. Вооружение и снаряжение драгун и прочих ратных людей в первые годы существования Белгородской черты // Белгородская черта. № 3. 2018. С. 56–65.

¹⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 951. Л. 263–265; Оп. 12. Д. 459. Л. 113.

¹⁷ Курбатов О.А. Казенное имущество солдатских и драгунских полков на южных рубежах России 1638–1650 гг. Сюжет из истории строительства русской регулярной армии // Белгородская черта. № 6. 2021. С. 135–146.

¹⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 311. Л. 330–331.

¹⁹ Там же. Оп. 12. Д. 559. Л. 125–128.

²⁰ Там же. Оп. 7 а Д. 10. Л. 1–238.

²¹ Там же. Оп. 13. Д. 559. Л. 2–30.

²² Там же. Оп. 12. Д. 569. Л. 1–216.

²³ В опросе принимали участие солдаты с. Бойкино, Татаново, Куксово, Горелое, Черленово, Черкино, Семикино, Морши, Сосновки, Алгасово, Давыдово, Вановье, Ракша, Темяшево, Новоселок, Стрелецкой и Пушкарской слобод. См. РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 569. Л. 17–18.

²⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 92. Л. 24, 42.

²⁵ Там же. Оп. 14. Д. 153. Л. 31–35.

²⁶ Там же. Л. 31–35.

²⁷ Там же. Оп. 13. Д. 330. Л. 107–119, 167–171.